

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

 <https://orcid.org/0000-0001-5342-3945>
poetics@yandex.ru

ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ (ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ ДМИТРИЯ БЫКОВА)

AN EXPERIENCE IN ANALYZING CIVIL LYRICS ("SNAKE ISLAND" BY DMITRY BYKOV)

The article analyses Dmitry Bykov's poem "Snake Island", an example of essential civil lyrics. The text was first published on the "Novaya Gazeta" website on February 26, 2022, two days after the Russian army's intrusion to Ukraine and seizure of Snake Island. Writing his poem, the author proceeded from the early (luckily wrong) info on the death of the island's defenders. This defined the heroic ring of the piece (which is determined by the epigraph alluding to an episode of the Waterloo battle described in Part 2 of "Les Misérables" by Victor Hugo) and its anti-imperial focus. The semantic associations are motivated by the intonation of the three-foot anapest with the AbAb rhyming scheme. The poem shows similarities with the texts written by Nikolay Ogarev, Nikolay Nekrasov, Nikolay Gumilev, Osip Mandelstam, Timur Kibirov. The toponym "Snake Island" hints on the key zoological metaphor whose negative sense traces back to the biblical Christian concept of the snake as an embodiment of Satan. Hence the monstrosity of this chthonic creature that can only be terminated if you throw a shell to its open mouth. Person's rejection of the motherland captured by snakes goes along with self-identification with the island's defenders, Ukrainian border guards. A border guard is a maverick with regard to the protected area (Lat. *marginalis* – standing on the edge). And if his homeland is attacked by a "superpower" whose image is labeled by "a name-plate, a sheepskin hat and a scaffold", then the reaction to this intrusion will only be an imperative utterance containing an obscene rhyming word. Moreover, if almost the whole text retains demarcation of the subjects, the final quatrain reveals subject syncretism. Alienable both ideologically and stylistically, a Russian man-of-war is attributed as "my". Hence combination of a civic stance and a personal intonation, both filling the text of poetry with the consciousness of moral rightness.

Keywords: poetics, three-foot anapest, meter's memory, Dmitry Bykov, civil lyrics

В статье анализируется стихотворение Дмитрия Быкова *Остров Змеиный* – пример актуальной гражданской лирики. Текст появился на сайте «Новой газеты» 26 февраля 2022 г., спустя два дня после вторжения российских войск на Украину и захвата острова Змеиный. Создавая стихотворение, автор исходил из первоначальных (к счастью, ошибочных) сведений о гибели защитников острова. Это определило героическое звучание произведения (оно задается эпиграфом, отсылающим к одному из эпизодов сражения при Ватерлоо во второй части *Отверженных* Виктора Гюго) и его антиимперскую направленность. Семантические ассоциации мотивированы интонацией 3-ст. анапеста с рифмовкой АБАБ. Стихотворение

обнаруживает переключки с текстами Николая Огарева, Николая Некрасова, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Тимура Кибирова. Имя-топоним «остров Змеиный» подсказывает ключевую зоологическую метафору, чья негативная семантика восходит к библейско-христианским представлениям о змее как воплощении сатаны. Отсюда монструозность хтонического существа, покончить с которым можно только броском в зев гранаты. Отказ лирического «я» от родины, захваченной змеями, сопровождается идентификацией себя с защитниками острова – украинскими пограничниками. Пограничник – маргинал с точки зрения охраняемой территории (латин. *marginalis* – находящийся на краю). И если его родина становится объектом нападения «сверхдержавы», чей образ маркирован «бляхой, папайхой и плахой», то ответом на вторжение будет императивное высказывание с непечатным словом на ту же рифму. При этом если на протяжении почти всего текста сохраняется разграничение субъектов, то в финальном катрене наблюдается субъектный синкретизм. Отчуждаемый идеологически и стилистически, российский военный корабль назван «моим». Отсюда сочетание гражданской позиции и личной интонации, которые наполняют лирическое высказывание сознанием нравственной правоты.

Ключевые слова: поэтика, 3-ст. анапест, память метра, Дмитрий Быков, гражданская лирика

Стихотворение Дмитрия Быкова *Остров Змеиный* появилось на сайте «Новой газеты» 26 февраля 2022 г., спустя два дня после вторжения российских войск на Украину и захвата острова Змеиный¹. По сведениям интернет-источников, 24 февраля около шести часов вечера на требование крейсера «Москва» сложить оружие украинские пограничники ответили непечатной фразой, ставшей в первые дни войны символом украинского сопротивления: «Русский военный корабль, иди на...»². После этого, согласно СМИ Украины, в результате корабельного артобстрела 13 военнослужащих, составлявших пограничный гарнизон, погибли. Однако, по данным Минобороны РФ, 82 украинских пограничника и морских пехотинца сдались в плен и были доставлены в Севастополь. 28 февраля военно-морские силы Украины подтвердили эту информацию³.

Создавая стихотворение, автор исходил из первоначальных (к счастью, ошибочных) сведений о гибели защитников острова. Это определило героическое звучание произведения (оно задается эпитафией, отсылающей к одному из эпизодов сражения при Ватерлоо во второй части *Отверженных* Виктора Гюго) и его негативную по отношению к имперскому прошлому и настоящему России направленность:

¹ После массированных обстрелов вооруженными силами Украины остров был оставлен российскими военными 30 июня 2022 г.

² *Кампания 2022 года на острове Снейк*, [электронный ресурс] https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e28ff8d8-62ee87c4-fcabf934-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/2022_Snake_Island_campaign [25.08.2022]. Согласно информации российских СМИ со ссылкой на видео (<https://t.me/minpravda/5812>), появившемся почти месяц спустя после изложенных событий, радиообмена между российским кораблем и гарнизоном не было, никто никого не вызывал и не «посылал» (Н. Стороженко, *Байка про «русский военный корабль» стала поражением Украины*, «Взгляд: деловая газета» 2022, 21 марта, [электронный ресурс] <https://vz.ru/world/2022/3/21/1149178.html> [29.11.2022]).

³ Там же.

Английский генерал воскликнул: «Храбрые французы, сдавайтесь!» Камбронн отвечал им: «Merde!» (*Дерьмо!* – франц.). Произнести это слово и потом умереть – есть ли что-нибудь более возвышенное?

Виктор Гюго. Отверженные

Пять десятков прожив с половиной
Неуклонно сгущавшихся лет,
Угодил я на остров Змеиный,
А с него отступления нет.

Ибо жизнь – это остров Змеиный,
А под стать ей и Родина-мать.
Мы привязаны к ней пуповиной,
Но однажды приходится рвать.

Местной жизни моей угрожая,
Вы подобны тому кораблю.
Искони ты была мне чужая.
Ты не любишь – и я не люблю.

Сколько можно молить и гундосить?
Нынче время понять и проклясть,
Эту жизнь нелюбимую бросить,
Как гранату, в зловонную пасть.

Все расхищено, все пережито,
Что не вывезли, то размели...
Чем мне, собственно, здесь дорожить-то?
Разве горстью змеиной земли?

Но на ней уже царствуют змеи,
Их ползучий, безудержный зуд,
И поэтому будет вернее
Ничего не достраивать тут.

Мы ли ждали другого финала?
Мы ль хотели иного конца?
Я ведь прожил с клеймом маргинала,
То есть, проще сказать, погранца.

Прав поэт – «несравненное право
Самому выбирать свою смерть»,
Но сначала тебе, сверхдержава,
Харкнуть в морду законное «Merde».

С вашей бляхой, папай и плахой,
С вашим вечным «пугай и карай»...
И поэтому шел бы ты на...,
Мой российский военный корабль⁴.

Порождаемые интонацией семантические ассоциации обусловлены стихотворным размером (3-ст. анапест) и рифмовкой (АБАБ), задающей строфическое членение текста. Активизация размера происходит во второй половине XIX в. прежде всего в произведениях Николая Некрасова и Афанасия Фета, которым предшествовал *Старый дом* Николая Огарева (1840). В нем представлены мотивы печали, одиночества, смерти – всё то, что определит семантический ореол анапеста⁵:

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал⁶.

«Увлечение этим размером, – отмечает Михаил Гаспаров, – начинается с лирики... но почти тотчас перебивается у Некрасова темами бытовыми

⁴ Д. Быков, *Остров Змеиный*, [электронный ресурс] <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/26/dmitrii-bykov-ostrov-zmeinyi> [06.03.2022].

⁵ Л. М. Маллер, *Семантическая оппозиция «дактиль – анапест» в ранней поэзии А. Блока*, [в:] *Модели культуры: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию профессора В. С. Баевского*, Смоленск: Смолен. гос. пед. ин-т им. К. Маркса 1992, с. 74.

⁶ Н. П. Огарев, *Избранные произведения*: в 2 т., вступит. статья В. А. Путинцева; подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова, Москва: Гос. изд-во художественной литературы 1956, т. 1, с. 89.

и народными...»⁷. Они проникают в сатирические произведения с их повествовательностью, сюжетностью, выраженной авторской позицией (*О погоде, Балет, Недавнее время*):

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!⁸

(*О погоде*)

Отдельную группу 3-ст. анапестов Некрасова составляют «исповедальные стихотворения с трагической окраской»: «Я сегодня так грустно настроен...», «Что ни год – уменьшаются силы...», «Надрывается сердце от муки...», *Утро* («Ты грустна, ты страдаешь душою...»), «Скоро стану добычею тленья...», *Старость* («Просит отдыха слабое тело...»)⁹. После Некрасова семантика страдания надолго закрепляется за этим размером: «Я измучен, истерзан тоскою...» Аполлона Григорьева, «Я добился свободы желанной...» Владимира Соловьева и др. Она дополняется «темой покаяния, трагической вины, а также скорбной констатацией горестного итога жизни, мотива усталости»¹¹ (ср. у Быкова: «Пять десятков прожив с половиной / Неуклонно сгущавшихся лет...»). Спустя сто лет мотив подведения жизненных итогов (увы, неутешительных) прозвучит в строках Владимира Соколова (1988):

⁷ М. Л. Гаспаров, *Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям*, Москва: Фортуна Лимитед 2000, с. 180.

⁸ Н. А. Некрасов, *Полное собрание сочинений и писем*: в 15 т., гл. ред. М. Б. Храпченко, Ленинград: Наука 1981, т. 2, подгот. текстов и коммент. О. Б. Алексеевой и др., ред. Ф. Я. Прийма, с. 180.

⁹ Л. М. Маллер, *Семантическая оппозиция...*, с. 76.

¹⁰ Анапест Некрасова, увлекаясь, писал Корней Чуковский, «есть по самому существу своему – панихида. Если бы этого размера не было раньше, Некрасов сам изобрел бы его, чтобы хоть как-нибудь выразить ту звериную, волчью тоску, которая всю жизнь выла в нем. Да он и вправду изобрел этот стих, эту особенную, специально-Некрасовскую пульсацию стиха, очень национальную, самую русскую, в которой главное очарование его лирики» (К. И. Чуковский, *Некрасов, как художник*, Петербург: Эпоха 1922, с. 10).

¹¹ Л. М. Маллер, *Семантическая оппозиция...*, с. 76.

Я устал от двадцатого века,
 От его окровавленных рек.
 И не надо мне прав человека,
 Я давно уже не человек¹².

В начале XX в. в условиях наступления 3-ст. трехсложников возрастает и доля самого употребительного из них – 3-ст. анапеста. Если у Александра Блока в «Отрекись от любимых творений...» (1900) с этим размером связаны «мотивы отречения от надежд, мечтаний, радости, контактов»¹³, то в «О, весна без конца и без краю...» (1907), напротив, утверждается идея приятия мира в его контрастных проявлениях, а в «Есть минуты, когда не тревожит...» (1912) появление Другого смиряет «грозу» жизни, превращая ее в задушевный «напев». Тем не менее, как показала Лариса Маллер, большинство стихов Блока, написанных анапестом, наполнены «минорными настроениями – от грусти до глубокого страдания и отчаяния»¹⁴.

В *Острове Змеином* встречаются, как минимум, две ритмические и лексико-синтаксические отсылки к поэзии Серебряного века. Строка «Все расхищено, все пережито» заставляет вспомнить ахматовское «Всё расхищено, предано, продано...» (1921) с чередованием дактилических и мужских рифм. Маркированное кавычками двустипийное «несравненное право / Самому выбирать свою смерть» – цитата из стихотворения Николая Гумилева *Выбор* (1908), входившего в *Жемчуга* (1910), а затем перенесенного в *Романтические цветы* (1918). В основе гумилевского текста лежат идея судьбы и выбор человеком своей смерти:

Созидающий башню сорвется,
 Будет страшен стремительный лет,
 И на дне мирового колодца
 Он безумье свое проклянет.

¹² В. Н. Соколов, *Это вечное стихотворение...: книга стихов*, предисл. М. Роговской-Соколовой; сост., подгот. текста И. Фаликова, Москва: Литературная газета 2007, с. 514. Реплика к этим строкам стало стихотворение Быкова: «Мне не жалко двадцатого века...» (1998).

¹³ Л. М. Маллер, *Семантическая оппозиция...*, с. 77. Ср. с мотивом уходящего в забвение прошлого в «Мы встречались с тобой на закате...» (1902): «Ни тоски, ни любви, ни обиды, / Всё померкло, прошло, отошло...» (А. Блок, *Собрание сочинений*: в 8 т., под общ. ред. В. Н. Орлова и др., Москва; Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы 1960, т. 1, с. 194).

¹⁴ Л. М. Маллер, *Семантическая оппозиция...*, с. 77.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводам тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть¹⁵.

«Гумилев, – по мнению Вадима Баевского, – не только чувствовал, но и осознавал, что стихотворные метры и размеры имеют собственную семантику и формируют смысл текста независимо от семантики слов, дополняя и поддерживая ее либо вступая с нею в конфликт»¹⁶. Анапест для Гумилева, как и для Чуковского, звучал «стремительно, порывисто», передавая «напряженье нечеловеческой страсти»¹⁷. Для Быкова первичной была, по-видимому, не столько экспрессия «нечеловеческой страсти», сколько отсылка к судьбе поэта-воина, который участием в Таганцевском заговоре выбрал «свою» смерть. При этом Быков, как и Гумилев, осознает, что стихотворные размеры и 3-ст. анапест, в частности, содержат интонацию, связанную с идеологической составляющей текста. Неслучайно тема войны у Быкова может оформляться в строки 3-ст. анапеста с женскими, мужскими и дактилическими окончаниями (*Война объявлена*): «Узнаю этот оющий, ающий, / Этот лающий, реющий звук...»¹⁸

¹⁵ Н. Гумилев, *Стихотворения и поэмы*, сост., подгот. текста и примеч. М. Д. Эльзона; вступит. статья А. И. Павловского; биограф. очерк В. В. Карпова, Ленинград: Сов. писатель, Ленингр. отделение 1988, с. 88.

¹⁶ В. С. Баевский, *Николай Гумилев – мастер стиха*, [в:] *Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. Посвящается памяти Льва Николаевича Гумилева*, Санкт-Петербург: Наука 1994, с. 78.

¹⁷ Н. С. Гумилев, [*Переводы стихотворные*], [в:] он же, *Письма о русской поэзии*, Москва: Современник 1990, с. 73. Для Чуковского 3-ст. анапест также был «самым энергичным, порывистым размером» (К. И. Чуковский, *Некрасов, как художник...*, с. 17).

¹⁸ Д. Быков, *Отчет: Стихотворения. Поэмы. Баллады*, Москва: ПРОЗАИК 2012, с. 346.

(*Прощание славянки*, 1999); «Мне приснилась война мировая – / Может, третья, а может, вторая...»¹⁹ (*Из цикла «Сны»*, 1996).

Тема гибели, «приличествующей» воину, масштабно раскрыта в антивоенных *Стихах о неизвестном солдате* Осипа Мандельштама (1937–1938), написанных 3-ст. анапестом с преимущественно дактилическими и мужскими рифмами («Аравийское месиво, крошево, / Свет размолотых в луч скоростей...»²⁰). Пятый и восьмой отрывки²¹ содержат женские и мужские окончания, а пятый фрагмент открывается строкой «Хорошо умирает пехота...»²².

В конце 1980-х семантические ассоциации, накопленные размером, реализовались в поэме Тимура Кибирова (вступление и основная часть) *Сквозь прощальные слезы* (1987). Этим произведением поэт простился с эпохой СССР, дополнив ее систему знаков (культурных кодов) цитатами из художественных текстов, идеологическими клише, фрагментами социолектов и т. п.²³ По наблюдению Михаила Гаспарова, 3-ст. анапест у Кибирова «почти независимо от содержания становится... знаком советской культуры в целом...»²⁴. В ходе пересборки советского мифа поэт создает трагикомический образ прошлого, граничащий с абсурдом:

Пахнет, Боже, сосновой смолою,
ближнем боем да раной гнилой,
колбасой, колбасой, колбасою,
колбасой – все равно колбасой!

Неподмытым общаговским блюдом,
и бензином в попутке ночной,
пахнет Родиной – чуешь ли? – чудом,
чудом, ладаном, Вестью Благой!

¹⁹ Там же, с. 348.

²⁰ О. Мандельштам, *Полное собрание стихотворений*, вступит. статья М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца, Санкт-Петербург: Академический проект 1995, с. 273.

²¹ Их нумерация соответствует редакции стихотворения, приведенной в издании: М. Л. Гаспаров, О. Мандельштам: *Гражданская лирика 1937 года*, Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т 1996, с. 6–9.

²² О. Мандельштам, *Полное собрание стихотворений...*, с. 273.

²³ Р. Лейбов, О. Лекманов, Е. Ступакова, «Господь! Прости Советскому Союзу!»: поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: опыт чтения. С приложением статьи М. Свердлова, Москва: ОГИ 2020.

²⁴ Тимур Кибиров. Буклет премии «Поэт» 2008 года, [электронный ресурс] https://poet-premium.ru/laureaty/kibirov_buklet.html [10.10.2022].

Хлоркой в пристанционном сортире,
хвоей в предновогоднем метро.
Постным маслом в соседской квартире
(Как живут они там впятером?

Как ругаются страшно, дерутся...)
Чуешь? – Русью, дымком, портвешком,
ветеранами трех революций.
И еще – леденцом-петушком!²⁵

Стихия абсурда захватывает события отечественной истории XX в., не-
отделимые от «крупных оптовых смертей» (Осип Мандельштам):

Из Кронштадта мы все, из Кронштадта,
на кронштадский мы брошены лед!
Месть суровая всем супостатам,
ни единый из нас не уйдет!²⁶

При этом автор не забывает, кому он обязан интонацией плача, заяв-
ленной в заглавии поэмы (*Сквозь прощальные слезы*):

Мне б злорадствовать, мне б издеваться
над районной культуры дворцом,
над рекламой цветной облигаций,
над линялом твоим кумачом,
[...]
над дебильной мощью Госснаба
хохотать бы мне что было сил –
да некрасовский скорбный анапест
носоглотку слезами забил²⁷.

Другой пример ассоциации для Кибирова «фамильной» стихотворной
формы («некрасовский скорбный анапест») с содержанием (тема родины)

²⁵ Т. Кибиров, «Кто куда – а я в Россию...», Москва: Время 2001, с. 32–33.

²⁶ Там же, с. 36.

²⁷ Там же, с. 58.

– цикл *По прочтении альманаха «Россия–Russia»* (2000). Три стихотворения из четырех написаны 3-ст. анапестом: рифмовке АБАБ соответствуют первый (начальная строфа – пятистишие АБААБ) и финальный тексты, обрамляющие цикл. Но если в первом говорится о литературных ассоциациях, порождаемых «словом „Россия“, а тем более „Русь”»²⁸, то в последнем – о любви лирического «я» к своей стране. Эта любовь лишена духовно-сакрального смысла, как в большинстве патриотических стихов. Она сопровождается грустной иронией взрослого сына в адрес Родины-матери (реализация советской патриотической метафоры), чей вид вызывает у него чувство неловкости и даже стыда:

Ну, была бы ты, что ли, поменьше,
не такой вот вселенской квашней,
не такой вот лоханью безбрежной,
беспредел бы умерила свой –

чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы
дал я отповедь клеветникам,
грудью встал, прикрывая стыдобу,
неприглядный родительский срам!

Но настолько ты, тетка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагаден родимый пустырь,

так вольготно меж трех океанов
развалилась ты, матушка-пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань²⁹.

Просьба сына к матери, способная вызвать в нем патриотические чувства, – умерить свой «беспредел». Смысл этого разговорного слова, пришедшего в 1990-е гг. из воровского жаргона, выходит за рамки пространственной

²⁸ Там же, с. 481.

²⁹ Там же, с. 484.

семантики (новообразование от «предел»), сохраняя основное значение – «беззаконие, произвол».

Образ Родины-матери присутствует и в стихотворении Быкова, но его модальность не сатирически-игровая, а гражданско-обличительная: «Иско-ни ты была мне чужая. / Ты не любишь – и я не люблю. // Сколько можно молить и гундосить? / Нынче время понять и проклясть...»³⁰. Имя-топоним «остров Змеиный» подсказывает ключевую зоологическую метафору: «...Жизнь – это остров Змеиный, / А под стать ей и Родина-мать». Негативная семантика рептилии, сопровождаемая признаками «опасная, злая, бессердечная, жестокая, коварная»³¹, восходит к библейско-христианским представлениям о змее как воплощении сатаны³². Отсюда монструозность хтонического существа со «зловонной пастью» (змея здесь превращается в змея, змия, усиливая враждебную человеку семантику³³), покончить с которым можно только броском в зев гранаты (мотив, сочетающий топику советских кинолент о войне и фильмов ужасов). Но поскольку змеи уже завладели островом, цепляться за этот клочок суши бессмысленно³⁴: «Чем мне, собственно, здесь дорожить-то? / Разве горстью змеиной земли? [...] И поэтому будет вернее / Ничего не достраивать тут».

Так отказ лирического «я» от родины, захваченной змеями, сопровождается идентификацией себя с защитниками острова – украинскими пограничниками, или, используя военный жаргон, «погранцами». Им, как настоящим героям, суждено погибнуть, потому что укрыться на ровном клочке суши

³⁰ Истоки этой модальности можно найти в стихотворении Михаила Лермонтова 1941 г.: «Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ. [...]» (М. Ю. Лермонтов, *Собрание сочинений*: в 4 т., редкол.: В. А. Мануйлов (отв. ред.) [и др.], 2-е изд., испр. и доп., Ленинград: Наука, Ленинград. отделение 1979, т. 1, с. 472).

³¹ Ю. Н. Михайлова, И. Чжао, *Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии*, «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» 2016, т. 18, № 4 (157), с. 173.

³² А. В. Гура, *Змея*, [в:] *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т., под общ. ред. Н. И. Толстого, Москва: Междунар. отношения 1999, т. 2, с. 334. Ср.: «...Для избличения зла Бог допускает лишь образ пресмыкающегося по земле животного, попускает использовать лишь низшее создание, указывая тем самым на зло как низшее начало, влекущее человека к земле, в низшие образы и сферы бытия» (П. Знаменский, *Почему дьявол принял образ змея?* [электронный ресурс] <https://azbyka.ru/forum/xfablog-entry/pochemu-djaval-prinjal-obraz-zmeja.464/> [12.10.2022]).

³³ О змее, змие в библейских текстах см.: Н. Н. Глубоковский, *Библейский словарь*, Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Джорданвилль: Центр изучения ист. рус. зарубежья 2007, с. 293–294.

³⁴ У этого образа есть «прототип» – остров Илья-да-Кеймада-Гранди (Ilha da Queimada Grande), известный как Змеиный остров (площадь 0,43 кв. км.). Он расположен у побережья Бразилии в Атлантическом океане и населен змеями.

негде³⁵. Отсюда ресемантизация слова «маргинал», основанная на актуализации исходного значения (латин. *marginalis* – находящийся на краю). Пограничник – это не социальный изгой, а маргинал с точки зрения охраняемой территории. И если его родина становится объектом нападения «сверхдержавы», чей исторический образ маркирован «бляхой, папахой и плахой» вкупе с «пугай и карай»³⁶, то ответом на вторжение будет императивное высказывание с непечатным словом, подсказанным упомянутой выше триадой³⁷.

При этом если на протяжении почти всего текста сохраняется разграничение субъектов: «я (мы) – ты (вы), они», то в финальном катрене наблюдается субъектный синкретизм. Отчуждаемый идеологически («С вашей бляхой... / С вашим вечным...») и стилистически (бранное выражение), российский военный корабль тем не менее назван «моим». Отсюда сочетание гражданской позиции и личной интонации, которые наполняют авторское высказывание сознанием нравственной правоты³⁸.

References

- Afanasev, Yurii N. *Opasnaya Rossiya: traditsii samovlastiya segodnya*. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2001.
- Baevskii, Vadim S. *Nikolai Gumilev – master stikha*. In: *Nikolai Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya. Posvyashchaetsya pamyati Lva Nikolaevicha Gumileva*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1994: 75–103.
- Blok, Aleksandr A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.*, ed. V. N. Orlov. Vol. 1. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1960.
- Bykov, Dmitrii L. *Ostrov Zmeinyi*. <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/26/dmitrii-bykov-ostrov-zmeinyi>
- Bykov, Dmitrii L. *Otchet: Stikhotvoreniya. Poemy. Ballady*. Moskva: PROZAiK, 2012.
- Chukovskii, Kornei I. *Nekrasov, kak khudozhnik*. Peterburg: Epokha, 1922.
- Gasparov, Mikhail L. O. *Mandelshtam: Grazhdanskaya lirika 1937 goda*. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1996.

³⁵ Площадь острова Змеиный составляет 0,17 кв. км.

³⁶ Ср.: «Специфика русской власти во все времена состояла в том, что она... была монособъектна, основанием для ее легитимности всегда служил не договор, предполагающий наличие других субъектов, а насилие и подавление всех других, претендующих на субъектность». См.: Ю. Н. Афанасьев, *Опасная Россия: традиции самовластия сегодня*, Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т 2001, с. 164.

³⁷ Ср. у Юго в *Отверженных*: «Дать такой ответ катастрофе... тем грубейшим словом, которое не произносят вслух, утратить свое место на земле, но сохранить его в истории, после такой бойни привлечь на свою сторону насмешников – это непостижимо! Это оскорбить молнию. В этом эсхилловское величие» (В. Юго, *Собрание сочинений*: в 15 т., под ред. В. Н. Николаева, А. И. Пузикова, М. С. Трескунова, Москва: Гос. изд-во художественной литературы 1954, т. 6, с. 393).

³⁸ Благодарю Марию Александровну Александрову и Ксению Александровну Деменеву за дополнения к докладу, ставшего основой настоящей статьи.

- Gasparov, Mikhail L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po filologicheskim spetsialnostyam*. Moskva: Fortuna Limited, 2000.
- Gumilev, Nikolai S. [*Perevody stikhotvornye*]. In: N. S. Gumilev. *Pisma o russkoi poezii*. Moskva: Sovremennik, 1990: 69–74.
- Gumilev, Nikolai S. *Stikhotvoreniya i poemy*, ed. M. D. Elzon. Leningrad: Sovetskii pisatel, Leningrad. otделение, 1988.
- Gura, Aleksandr V. *Zmeya*. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar: v 5 t.*, ed. N. I. Tolstoi. Vol. 2. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999: 333–338.
- Hugo, Victor. *Sobranie sočinenii: v 15 t.*, ed. V. N. Nikolaev, A. I. Puzikov, M. S. Treskunov. Vol. 6. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoj literatury, 1954.
- Kampaniya 2022 goda na ostrove Sneyk*. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e28ff8d8-62ee87c4-fcabf934-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/2022_Snake_Island_campaign
- Kibirov, Timur Yu. “*Kto kuda – a ya v Rossiju...*”. Moskva: Vremya, 2001.
- Leybov, Roman G.; Lekmanov, Oleg A.; Stupakova, Elena Yu. “*Gospod! Prosti Sovetskomu Soyuzu!*”: *poema Timura Kibirova “Skvoz proshchalnye slezy”: opyt čteniya. S prilozheniem stati M. Sverdlova*. Moskva: OGI, 2020.
- Maller, Larisa M. *Semantičeskaja oppozitsija “daktil – anapest” v rannej poezii A. Bloka*. In: *Modeli kultury: mezhdunarodskij sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyj 60-letiju professora V. S. Baevskogo*. Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut im. K. Marksa, 1992: 65–79.
- Mandelštam, Osip E. *Polnoe sobranie stikhotvorenij*, ed. A. G. Mets. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1995.
- Mikhaylova, Yuliya N.; Chzhao, I. “Kulturnye konnotatsii zoonimov v russkoi i kitajskoj frazeologii”. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 18, No 4 (157) (2016): 168–181.
- Nekrasov, Nikolai A. *Polnoe sobranie sočinenij i pisem: v 15 t.*, ed. F. Ya. Priyma. Vol. 2. Leningrad: Nauka, 1981.
- Ogarev, Nikolai P. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. Vol. 1*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoj literatury, 1956.
- Sokolov, V. *Eto vechnoe stikhotvorenie...: kniga stikhov*. Moskva: Izdatelskij dom Literaturnaya gazeta, 2007.
- Storozhenko, Nikolai. “Baika pro «russkij voennyj korabl» stala poraženiem Ukrainy”. *Vzglyad: delovaya gazeta* 2022, 21 marta, <https://vz.ru/world/2022/3/21/1149178.html>
- Timur Kibirov. *Buklet premij “Poet” 2008 goda*. https://poet-premium.ru/laureaty/kibirov_buklet.html
- Znamenskij, Pavel. *Pochemu dyavol prinjal obraz zmeya?* <https://azbyka.ru/forum/xf-blog-entry/pochemu-djavol-prinjal-obraz-zmeja.464/>

Received: 12.09.2022. Verified: 22.10.2022. Accepted: 23.10.2022.
© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)